

S T U D I A P H I L O L O G I C A

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙ
В СВЕТЕ ИСТОРИИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2012

УДК 80/81
ББК 81.2Рус-03
Э 11

Ответственные редакторы:
В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий

Э 11 Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 328 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0558-1

Книга является плодом коллективных усилий исследователей различного профиля — лингвистов, историков, философов. При значительной разнице в методологических подходах авторов объединяет общая цель — дать очерк эволюции различных понятий и связать трансформации понятийного аппарата, смысловые сдвиги с широким контекстом истории русской культуры.

Работа авторского коллектива поделена на три тематические части. Первая часть посвящена теоретической рефлексии по поводу истории понятий, делаются попытки определить ее место по отношению к классической философской традиции, к философскому анализу повседневных коммуникативных практик.

Во второй части эволюция понятий рассматривается в перспективе исторической семантики, причем подробно исследуется взаимодействие языковых механизмов и культурных процессов; изучается широкий спектр явлений: история отдельных слов и целых концептуальных сфер, виды языковых заимствований и грядущие тенденции в развитии языка.

Наконец, в третьей части меняющие свое содержание понятия анализируются на фоне обслуживаемых ими нелингвистических парадигм: политической истории, науки, истории фольклорных форм.

Издание представляет интерес для лингвистов, филологов, историков культуры, социологов, политологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей русского языка и культуры.

ББК 81.2Рус-03

*В оформлении переплета использована картина
Дж. де Кирико «Архитектор»*

ISBN 978-5-9551-0558-1

© Авторы, 2012
© Языки славянских культур, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

О. В. ХАРХОРДИН	
История понятий как метод теории практик	7

Ф. Н. БЛЮХЕР	
Зачем исследовать истории «понятий»?	24

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ

Б. П. МАСЛОВ	
«По законѣ языка нашего»: семантические заимствования как предмет истории понятий.	39

С. М. ТОЛСТАЯ	
К семантической истории слав. * <i>mirь</i> и * <i>svěť</i>	58

Ю. В. КАГАРЛИЦКИЙ	
<i>Отвага</i> : слово и понятие в историко-культурной перспективе . .	75

А. А. ПЛЕТНЕВА	
<i>Скоморох</i> и <i>скоморошество</i> : К истории слов и понятий	93

А. Г. КРАВЕЦКИЙ	
<i>Кликуши</i> : к истории слова и понятия	109

В. М. ЖИВОВ	
Суеверия и забобоны	130

Е. П. СНЕГОВА	
От позорища до перформанса: Номинации со значением «представление развлекательного характера» в русском языке XVII—XXI вв.	151

И. Б. ЛЕВОНТИНА	
К истории слова <i>субъект</i> в русском языке	168

В. Н. КАЛИНОВСКАЯ	
Дифференциальный словник «Словаря русского языка XIX века» как материал для истории слов и понятий	184
Е. Я. ШМЕЛЕВА	
О словах <i>компромисс</i> и <i>бескомпромиссный</i>	196
ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ	
Ингрид Ширле	
Понятие «Россия» в политической культуре XVIII века	207
Е. Н. МАРАСИНОВА	
«Государева воля» и «закон» в общественном сознании второй половины XVIII века.	233
Клаудио Серхио Нун Ингерфлом	
Историографический миф о верности «государству» при Петре Великом. Опыт применения <i>Begriffsgeschichte</i> к русской истории	252
Е. М. Смирнова	
Диахронный анализ понятия <i>опыт</i> и становление естественных наук в России	279
И. Б. Дягилева	
«Идеология гомеопатии»: к истории одного понятия в русском языке XIX века	297
А. Д. Шмелев	
Русский взгляд на «западные» концепты: языковые данные	306

ТЕОРИЯ

История понятий КАК МЕТОД ТЕОРИИ ПРАКТИК

В данной статье я не буду заниматься лингвистическими или историческими изысканиями, не чувствуя себя специалистом в этих областях. Моя задача в этом тексте — не практиковать историю понятий, а описать этот подход как прагматический метод для философского или социально-политического исследования. Как у академической истории есть вспомогательные исторические дисциплины, так и у философии или различных теорий практической жизни могут быть вспомогательные методы. Их задача — родовспоможение, практикуемое при порождении новых понятий или вопросов, поставленных по-новому. Иными словами, если сократовская майевтика позволяла в результате искусного вопрошания актуализировать знание, уже имеющееся у человека, то история понятий имеет более скромные цели. Она лишь позволяет задать вопрос по-новому; ответ же представит дальнейшее теоретическое или практическое исследование, разбуженное этим вопросом. Поэтому история понятий особенно продуктивна, когда она применяется в исследовании того, где, как кажется, все совсем не проблематично и ясно, — то есть в сфере устойчивых и рутинных операций нашей повседневной жизни, коими занимается теория практик [Волков, Хархордин 2008].

* * *

В теории практик действие часто исследуется через его разного рода нарушения — поломки, осечки, задержки и т. п. Во-первых, многие повседневные и рутинные действия часто только и становятся заметными в результате того, что нарушается их плавный ритм; например, именно нехватка чего-либо или, наоборот, чрезмерное изобилие делает его заметным. Во-вторых, именно в это время как бы приот-

крываются «черные ящики» механизмов наших рутинных операций; мы замечаем, — например, через отсутствие — характеристики того, присутствие чего гарантирует успешное и непроблематичное исполнение рутинной деятельности [Волков, Хархордин 2008: 52—53].

В этом отношении история понятий дает нам целый набор практических приемов выявления и анализа таких поломок. Если рассматривать историю понятий как историю типовых речевых актов, схваченных в типичных примерах зарегистрированного словоупотребления, то ясно, что она помогает социологу заметить те аспекты стандартных ситуаций повседневной жизни прошлого, которые послужили прагматическим контекстом или фоном для типичных примеров словоупотребления, теперь опубликованных в историко-этимологических словарях, подобных Oxford English Dictionary. Иными словами, антураж или предметы и существа, задействованные в таких ситуациях, помогают заметить скрытые от нас ныне характеристики рутинного действия: ведь когда-то они были открыты вниманию, их эксплицитно проговаривали, причем в странных для современного пользователя языка условиях. История понятий, таким образом, — еще одно средство остранения нынешней повседневности.

* * *

Мой основной тезис, однако, будет несколько удивителен для тех, кто считает, что есть две основные школы истории понятий — немецкая традиция, сложившаяся вокруг трудов Райнхарта Козеллека и его коллег, и кембриджская школа, лучшим методологом которой традиционно считается Квентин Скиннер. Анализ речевых актов, который практикуется и теми и другими, во многом покоится на трудах Хайдеггера и Витгенштейна. Я же попытаюсь показать, что труды Джона Л. Остина дают нам не менее, а может, и более удобный набор инструментов для истории речевых актов, и потому они очень полезны с эвристической точки зрения для анализа, проводимого в рамках теории практик. В рамках короткой статьи я не буду, конечно же, обсуждать все творчество Остина, а остановлюсь лишь на пересказе тех возможностей и продемонстрирую те примеры хода мысли, которые предлагает чтение его знаменитого методологического эссе «A Plea for Excuses» [Austin 1961; Остин 2006].

Остин начинает свое изложение с противопоставления оправданий (justifications) и извинений (excuses) как двух способов подойти к систематическому рассмотрению вопроса о том, что такое действие, или

точнее, — к вопросу о том, что подпадает или не подпадает под категорию совершенного и случившегося действия [Остин 2006: 201—203]. Оправдание требуется, когда некое прискорбное действие совершено, но описывается как необходимое; извинения требуются, когда такие действия вроде и не сделаны, или не совсем сделаны, или сделаны не тем, кому приписываются. Вот примеры, которые мы можем дать вслед за Остином. Если было совершено убийство, то оно может быть оправдано как, например, совершенное на поле боя в целях защиты родины; извинения же лишь помогут нам сказать, что убийства не было, а была, например, халатность или неосторожность. Или другое: мы смотрим на девушку, уронившую поднос с посудой. Фраза «да, я его уронила, зато я разрядила семейную напряженность за столом, и никто не перешел на личности, а это было бы еще хуже!» есть оправдание; фраза «да, уронила, но меня укусила оса!» есть извинение.

Анализ оправданий лежит в основе современной французской прагматической социологии. Название главной книги Болтански-Тевено — «De la justification»; предмет ее исследования — 6 миров оправдания, в рамках которых современные французы делают свои упрёки или защищаются от критики [Волков, Хархордин 2008: глава 13]. Анализом же извинений занялся Остин. Он, конечно, сделал это в первом приближении, и книга «De l'excuse», которая бы использовала эмпирическую базу, сравнимую с той, на которую опирались французские авторы, все еще ждет своего дня.

Исследование действий через извинения за них позволяет с помощью анализа пролетов и промахов рассмотреть особенности самого действия. Например, мы можем отметить достаточно тонкие детали того, какие наречия могут применяться при извинениях, — ведь не все наречия и не всегда уместны при всех глаголах. Можно ударить стоящего напротив вас собеседника по лицу, если вдруг вы решили перейти от словесной перепалки к кулачному бою — и сделать это «внезапно», «намеренно» (если говорить по-философски) или «умышленно» (если говорить по-юридически). Но сделать это «невнезапно», «ненамеренно» или «неумышленно» — уже потребует дополнительных объяснений, как такое могло случиться, — ведь обычное использование таких наречий в паре с фразой «ударил по лицу собеседника» является неуклюжим и достаточно странным для типовых ситуаций словоупотребления.

Можно ли вообще сказать, не создав еще больших проблем между нанесшим и получившим удар по лицу: «Извини, я ударил тебя случайно»? Ответом может быть: «Как это — случайно? Такие случайности недопустимы», — и извинение не удастся так же, как невозможно изви-

ниться (пример Остина), сказав: «Ой, извините, я случайно наступил на вашего годовалого ребенка». Проведя анализ того, какие наречия и в каких ситуациях непроблематично употребляются с данным глаголом, а какие нет, мы больше узнаем о центральных характеристиках исследуемого действия. В пределе мы вообще можем подойти к классификации актов по тому, какие типовые наречия могут к ним применяться, а какие нет; это — одна из новых возможностей для социологии действия.

Остин называет подобное исследование «лингвистической феноменологией»: «мы используем наше обостренное внимание к словам для того, чтобы обострить наше восприятие феноменов (но при этом мы не используем его в качестве последнего судьи)» [Остин 2006: 207, перевод подправлен]. Задачей для Остина здесь является *field work in philosophy*, полевые исследования в философии, которые позволяют получить прямой доступ к самим феноменам, т. е. доступ, не замутненный веками философских размышлений о них. Наверное, поэтому Остин считает оправданным использование термина «феноменология» — ведь он, как и Гуссерль, находится на пути *zu den Sachen selbst*, «к самим вещам». Главное — исследовать те ситуации, где «обыденный язык наиболее богат и пронизателен», и это, конечно же, касается такой темы, как извинения за действия, но не касается такой философской темы, как, например, время: «Мы можем предпринять обсуждение неуклюжести, рассеянности, необдуманности и даже спонтанности (действия. — *О. Х.*), не думая о том, что говорил по этому поводу Кант» [Там же: 208]. Иными словами, в анализе обыденного языка извинений за действие *X* можно найти много четко сформулированных различий, сопоставлений и противопоставлений, которые помогут ответить на вопрос, что значит «сделать *X*».

Доступ к самому феномену *X* обеспечивается тем, что если мы обнаруживаем устойчивое употребление фраз с искомым *X*, то контрасты и различия, зафиксированные в примерах этого словоупотребления, есть результат застывшего опыта многих поколений. И что особенно важно, этот опыт — не результат уединенного разглядывания предмета под микроскопом или продукт фантазий кабинетного философа, он возник в заботах практической жизни, с которыми сталкивались миллионы. Возможно, в некоторых наиболее типичных примерах словоупотребления даже схвачены парадигматические аспекты ситуации, в которой регулярно практиковался и закреплялся данный опыт — т. е. в них упоминаются те обычные для данного действия люди и вещи, а также типы их связки или конфигурации, когда этот опыт сложился.

* * *

Вторая причина, по которой подобные полевые исследования в философии нужны были Остину — терапевтическая. С помощью анализа обыденного языка можно прояснить, если не разрешать великие философские вопросы, и тем самым лечить людей от заболевания под названием кабинетная философия.

Возьмем снова пример с анализом наречий, используемых в извинениях за действия. Он показывает, что очень немногие из пар наречий-антонимов применимы к одному и тому же глаголу. Кабинетная философия заставляет нас верить, что любое действие можно сделать как М-но, так и не-М-но. Например, в философских трактатах мы можем прочесть, что всегда можно сделать что-то свободно или несвободно, по собственной воле или нет. Но случаи конкретного словоупотребления показывают, насколько сложно приписать одному действию как характеристику М, так и не-М: что значит «он ударил его по лицу свободно»? А «ударил несвободно»? Несколько более приемлемо звучит «он ударил его по лицу по своей воле» и «он ударил его по лицу не по своей воле». Но неуклюжесть подобных фраз на русском подсказывает: Остин подчеркивает важный аспект, когда говорит, что великая философская проблема свободы воли возникла из-за того, что нам навязали мнение, что наречия-антонимы, например английские слова *voluntarily* и *involuntarily*, могут равно применяться ко всем действиям. В практических ситуациях жизни это не так: если можно легко икнуть *involuntarily*, то есть таким образом сложно. Общий же анализ использования этих английских наречий показывает, что глаголы, которые модифицируются наречием *voluntarily* имеют антонимом *under duress* (под принуждением), а те, которые модифицируются *involuntarily*, имеют антонимом *on purpose, deliberately* (намеренно, с целью). Проблема *voluntary action* или *free will* — надуманная проблема, которая возникает, когда кабинетный философ говорит, что для целей абстракции любой глагол X мы можем заменить глаголом «делать», и к «делать» приставить как наречие «М-но», так и наречие «не-М-но». В практической жизни такие надуманные вопросы не возникают, и терапия на базе остиновского метода может излечить от склонности задаваться пустыми кабинетными вопросами — например, такими как «что такое свобода в своей сущности?». Ведь только в конкретных случаях (и очень специфических) можно сказать, что что-то было сделано «свободно».

Почему эти вопросы волновали Остина — понятно; это следствие его профессиональных интересов. Для людей же, занимающихся тео-

рией практик, не так важно повторить его философские эзерсисы, идя тропками русского языка, — например, исследовать примеры словоупотребления, чтобы показать, что можно сделать нечаянно и почти никогда нельзя сделать «чаянно» (пролить чай на соседа), или что почти никогда нельзя сделать случайно, и почти всегда делается неслучайно (случить двух дорогих породистых собак со знатной родословной). Для теории практик важно идти к самому феномену — действию X — через исследование модификаторов и выявляемых ими значимых для действия контрастов. Наречия и дополнения здесь первые по значимости. Именно с подчеркивания внимания к модификаторам глаголов начинается список 13 остиновских методических пунктов исследования, благодаря которому особенно знаменито эссе «A Plea for Excuses». Я не буду пересказывать их — читатель их легко найдет сам (правда, английский оригинал будет более ясен, чем русский перевод), но рискну добавить 14-й.

* * *

Дело в том, что для теории практик особенно полезны не примеры нынешнего или недавнего стандартного словоупотребления, а примеры из древней истории слова, схваченные в словарях или самих первоисточниках. И именно такие источники, а не судебные кейсы (где четко устанавливается, сделал ли человек А действие X, или нет) или наблюдения за поведением животных (которые показывают пределы применения привычных дистинкций нашего языка), на которые указывает Остин, дают нашим исследованиям особенно много. Ведь подмечать диахронные контрасты — это один из основных инструментов для остранения практик.

Мы почти не замечаем сейчас, например, такое распространенное действие, как «общаться», особенно потому, что, как кажется, это делают все и почти всегда. Но в древнерусских источниках оказывается, что это действие контрастирует с «вести беседы» и может как раз и не подразумевать только словесную коммуникацию. Как говорится в послании митрополита Киприана игумену Афанасию (1390 г.): «Чернецам же с женами опчитися и беседы с ними творити бедно есть». Прочитав в разделе 3 словарной статьи «общатися» «Словаря русского языка XI—XVII вв.», что этот древнерусский термин имел и прямые сексуальные коннотации (пример из этой статьи: «А дватцеть деветь [блюд] велить несть к женскому полу, сиречь с султанкамь, с которыми общается» [СЛРЯ XI—XVII вв., 12: 191]), можно реконструировать

для себя смысл этого запрета. Однако такое понимание заставляет по-новому оценить и нашу нынешнюю жизнь и задать вопрос, насколько в нынешнем общении можно все еще найти и элементы того «опечення» XIV века.

В приведенном примере все же «опечаются» с людьми, с чем наша языковая интуиция мирится достаточно спокойно, но ей становится немного не по себе, когда в Лаврентьевской летописи (список 1377 г.), в записи под 1015 г. об убиении Святополком св. Бориса цитируются притчи Соломона из Библии (I:18): «О сяковых ибо Соломон рече; скоры суть пролити кровь без правды. Те ибо общаются крови, собирають себе злая»¹. В текстах XIV—XV веков общаются, как оказывается, не только с людьми, а еще и общаются крови. Так и хочется ввести другое глагольное управление, чтобы передать странную фразу немного по-другому — те, кто приобщается к крови, собирают себе зла, — трансформируя текст притч по модели цитаты из «Златоструя», приводимой в статье «общеватися» «Словаря русского языка XI—XVII вв.»: «не общуйтеса к деломъ тьмъ» [СлРЯ XI—XVII вв., 12: 192]. Но во всех этих случаях странность исторического словоупотребления подталкивает современного читателя спросить: может, некоторые проблемы нашего нынешнего общения будут по-новому осмыслены, если мы поймем, что внутри него исстари был не только потенциал безобидной беседы, но и возможность начать «общаться крови»?

* * *

Глагольное управление в исторических источниках, которое отличается от ныне распространенного, позволяет заметить обычно пропускаемую деталь в Остине — кроме внимания к модификаторам глаголов, он требует внимания и к предлогам. Как он пишет:

Ибо мы непременно сталкиваемся с вопросом о том, почему существительные, принадлежащие к одной группе, управляются предлогом «под», принадлежащие к другой — предлогом «на», а принадлежащие

¹ Переписчик Лаврентьевской летописи написал «общаются» через ъ (стб. 133 стандартного издания ПСРЛ) — настолько, возможно, был странным оборот «общатися крови» и для него, а перед цитатой из притч стояло описание того, как вышегородцы «обещасяся» Святополку убить Бориса (стб. 132); Геннадиева Библия 1499 года, однако, четко перевела текст притч: «ногы бо ихъ на зло ришуть, и скоры суть на пролитие крове... тии бо общающесе крове ихъ събирають себе злая». Все примеры из «Словаря русского языка XI—XVII вв.», статья «общатися» [СлРЯ XI—XVII вв., 12: 191].